Муромов М.

31/I-88

Индустриальная Караганда

31 ЯНВ 1988

КУМИР ЗА СЦЕНОЙ

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ

О том, что известный певец и исполнитель Михаил Муромов дает гастроли в Караганде, я узнал из оперативной сводки УВД Карагандинского облисполкома.

Успокойтесь, пожалуйста, многочисленные поклонники и поклонницы его таланта: никаких посягательств на личное имущество певца не было, да и здоровье его совершенно вне опасности. М. Муромов проходил по сводке отнюдь не в качестве потерпевшего. Скорее, наоборот.

Вот начало этой незабываемой истории, своеобразного закулисного действа, в котором он столь же блестяще сыграл свою роль, как и делал это на арене Карагандинского цирка четыре раза на дню [разве может быть истинный талант ограничен пресловутыми рамками сцены!].

Из рапорта младшего сержанта ГАИ В. Корсукова: «Находясь в ночном патруле вместе с мл. сержантом А. Тусупбековым в ночь с 20 на 21 января с. г. на проспекте Советском, мы увидели, как навстречу нам с превышением скорости движется автомобиль «Жигули». На мой сигнал жезлом водитель не отреагировал. Тогда Тусупбеков включил сирену на патрульной машине ГАИ. Автомобиль продолжал движение. Мы бросились к своим «Жигулям», в это время машина-нарушитель повернула к гостинице «Казахстан». К выходу гостиницы мы подъехали одновременно. Я представился и попросил того, кто сидел за рулем, предъявить водительское удостоверение и документы на машину. Из-за руля вышел человек в куртке и с широкой светлой повязкой на голове, он вынул ключи из замка зажигания и бросил их пассажиру, сидевшему справа...».

Существуют две версии событий, которые последовали дальше. Версия двух инспекторов ГАИ и тех, кто закончил ночное автопутешествие у входа в гостиницу «Казахстан».

Вторая версия рассыпалась, точно карточный домик, лишь только заместитель начальника Советского РОВД подполковник А. А. Трифонов, прибывший на место происшествия по вызову, опросил свидетелей: вахтера, кассира-контролера и дежурного администратора. Поэтому буду лишь иногда упоминать о ночной сказке, сочиненной пассажирами автомобиля «Жигули» (госномер г 5157 КГ). Ими оказались певцы-гастролеры М. Муромов, А. Хоралов, владелец машины В. Ковлягин, Р. Мазитов, директор группы «Манжерок», в составе которой выступают первые двое, и костюмер группы О. Джо.

Итак, М. Муромов (именно он сидел за рулем) вышел из машины и выдал тираду, логичности которой мог бы позавидовать даже Цицерон: «Я не понимаю претензий, вот хозяин машины, он ее вел, у него ключи и документы, и вообще машина стояла на месте, почему она интересует милицию?».

Ошеломленные его наглостью (другого слова не подберешь), стушевались на мгновение даже видавшие виды инспекторы. Реакция М. Муромова на повторное обращение инспектора Корсунова была просто ошеломляющей: он вдруг стремительно подошел к инспектору и брякнулся у его ног спиной об асфальт, закричав при этом душераздирающе:

— А-а-а-а-й, больно! Артиста Муромова убили!

И еще через секунду:

— Убери пистолет! Не смей стрелять!

Кстати, артисты в объяснительных напишут потом про инспекторов: «...оба хватались за кобуру, угрожая оружием...». Интересно, почему этого не заметили их спутники? Причина проста: инспекторы ГАИ даже в ночной патруль заступают без оружия и без кобур.

Великое дело — спайка. К тому времени Муромов и Хоралов выступили вместе уже на нескольких концертах. Бывавшие на них подтвердили: великолепный сценический тандем. Оказалось, не только сценический. Видя, как с «гибельным восторгом пропадает» товарищ, Хоралов не менее изящно летит на жесткий асфальт (искусство требует жертв), крича при этом, что теперь, мол, «убили» не только Муромова.

— Холодно на земле, это вам не цирк, — попытался усовестить их один из инспекторов, но, прикинув, что оба уже довольно глубоко вошли в роль, пошел на проспект искать свидетелей. От всех без исключения пассажиров пахло спиртным, вели они себя по меньшей мере странно. Но нужно было медицинское освидетельствование.

Между тем дверь в гостиницу, наконец, отворилась, и из нее показался заспанный вахтер В. А. Иванов. Он подождал, пока Муромов оттеснит Тусупбекова, оставшегося у открытых дверей автомобиля, закроет машину и последует к входу. Затем дверь надежно закрылась за «убитыми» и сопровождающими их лицами, а на улице остался раздосадованный и удивленный (в который раз за ночь) страж порядка.

Выказывая сначала неподдельную солидарность с рядовыми искусства, жрецы храма гостеприимства долго еще не пускали милиционеров в свою святая святых. Но, видно, у кого-то там, за массивными дверями шевельнулась, наконец, трезвая мысль: гости приезжают и уезжают, а милиция остается. Тут уж разозленные певцы дали волю гневу праведному: не убедив инспекторов уличным действом, они прибегли к пространным обвинительным монологам, от которых коробило даже вахтера Иванова (это и отражено, в его объяснительной «по существу дела»).

Вызванный в срочном порядке подполковник Трифонов извинился за столь поздний ранний визит и попросил М. Муромова объясниться.

— Подполковник, — нежно сказал хозяин номера, — лучше не надо поднимать шум, ты еще не знаешь, сколько голов полетит, если...

Видимо, многозначительное «если» должно было очень напугать человека, 17 лет занимающегося уголовным розыском. Но не напугало.

Через день, на основании опроса свидетелей и показаний участников инцидента, гражданину М. Муромову было предъявлено обвинение в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 174 Административного кодекса КазССР, то есть мелкого хулиганства.

А уже на следующее утро, на концерте, ведя доверительную беседу с залом, вчерашний нарушитель порядка, мелкий хулиган, весело сказал, как бы между прочим:

— По городу ходят слухи, что меня пыталась избить милиция. Это у них вряд ли получится, — и красноречиво поиграл бицепсами. Это видел весь зал, потому что властитель юных душ вышел к уважаемой публике в майке.

«Певец и композитор от бога» (так он называет себя на концертах) отказался платить штраф, а вместо этого написал протест, в котором выражает искреннее негодование «сфабрикованным» обвинением. Это его право. А штраф ему вычтут из зарплаты.

Гипертрофированное самомнение диктует и манеру поведения, и общения со зрителем, заставляет петь дифирамбы самому себе (а что делать, если мало или совсем не хвалят!). В объяснительной он дописался до того, что, после гостиничного инцидента «21, 22 и 23 числа... за нами и нашими товарищами неотступно следуют переодетые люди, которых мы уже знаем в лицо». (А это уже, как говорил один из героев киносериала «Следствие ведут знатоки», — похоже на «манию величия пополам с манией преследования»).

Раскованность его на сцене поистине безгранична. Быть похожими в этом смысле на себя он призывает и юных своих почитателей: отбросьте комплексы, выбегайте ко мне на арену, танцуйте, не бойтесь милиции, плюйте на родителей и на порядки, которые диктуют вам взрослые... Без подобных призывов вряд ли обходилось хотя бы одно выступление М. Муромова.

Опаснейшая это штука — популярность. Хочу быть правильно понятым. Я не против того, чтобы быть непохожим на остальных. Пожалуйста! Только здесь нужно быть особенно разборчивым в средствах. Средства эти — показатель внутренней культуры.

Есть ведь и другие трибуны, кроме сцены, с которых можно поносить, не выбирая выражений, «душителей» такого таланта, ретроградов и рутинеров от искусства.

В Караганде же неиссякаемым источником роста популярности певца стали и невероятные легенды о его закулисных похождениях, пошлые и грязные (а некоторым кажется — смелые), его рассказни о последних столичных новостях, которые, смакуя перед началом концерта, передают из уст в уста огорошенные его откровениями мальчишки и девчонки, а после концерта они же «вылавливают» кумира в фойе, чтобы выпросить автограф. И — будьте уверены — никого из страждущих он не обойдет вниманием и на каждом из своих фотопортретов, растиражированных чьей-то заботливой рукой в тысячах экземпляров и продаваемых тут же в фойе за два с полтиной, пройдется, улыбаясь, шариковой ручкой. Потому что уже не может не поддержать горящий в каждой паре восторженных глаз свой собственный имидж — рубахи-парня.

И еще одна деталь, о которой умолчать нельзя. Карагандинский горком комсомола стал инициатором встречи М. Муромова с бывшими воинами-интернационалистами в одном из концертных залов города. Сбор от концерта перечислен на строительство в городе обелиска в память о солдатах и офицерах, воевавших в Афганистане. Дело благородное. Зал поднялся, когда он пел свою знаменитую сегодня песню о войне на далекой афганской земле. А чуть позже многие из сидящих в зале недоумевали: почему он спел всего четыре песни? Уж очень смахивала благотворительность артиста на подачку.

И все равно: как жалко расставаться с кумиром! Когда собирал материал для этой заметки, не раз слышал тревожное: «А вдруг обидится и больше не приедет?».

Задумайтесь: а много ли потеряем?

М. ПЕТРОВ.